

Надежда Первухина

ИМЯ ДЛЯ ВЕДЬМЫ
ВСЕ ВЕДЬМЫ ДЕЛАЮТ ЭТО!

Надежда Первухина

Все ведьмы делают это!

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГ»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П26

Рисунок на переплете
Л. Клепаковой

Иллюстрации
В. Успенской

Первухина Н. В.
П26 Все ведьмы делают это!: Роман.— М.: «Издательство
АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 316 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1318-8

Пока потомственная ведьма Викка, она же законная жена известного писателя-фантаста Авдея Белинского, в шкуре дракона бьется в магических застенках, ее муж совместно со своей тещей, полковником налоговой службы, и ее супругом, магом высшей категории, как лев сражается за свободу жены, не пренебрегая при этом вниманием ослепительной красавицы-японки Инари Такобо...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1318-8
© Первухина Н. В., 2003
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

*Как обещала, смиренно и почтительно посвящая
сей скромный труд Петру Николаевичу Пальцеву,
самому человечному из всех вампиров и самому
обворожительному — из оборотней...*

*P.S. Мой любимый, прости, следующее
посвящение — точно тебе!*

Автор

Возможно, вы не поверите мне. И даже подумаете, что я лгу. Ведь то, о чем я расскажу вам сейчас, случилось не в давние времена...

Акутагава Рюноске

— А сегодняшний наш репортаж мы ведем из образцовой специальной женской колонии УЗИ 567-9000, где совместными трудовыми и педагогическими усилиями работников управления исполнения наказаний и, что самое главное, женщин-заключенных создана уникальная для нашего меркантильного и утратившего нравственные ориентиры времени община, воспитательному потенциалу которой поаплодировали бы и Антон Семенович Макаренко, и легендарные создатели Республики ШКИД!

Сдобренный человеколюбивым пафосом голосок телеведущей глухим эхом оседает на непредусмотрительно выхваченных бдительным оком телекамеры бурых осклизлых стенах, напоминающих о тяжелой судьбе всех, вынужденных из года в год питаться суточным борщом и шницелями из селедочных хвостов. Оператора просто рефлексивно передернуло. Он мысленно поклялся, что никогда не нарушит закона до такой степени, чтобы попасть в подобный равелин.

— Ты что снимаешь, Гена? — ласковой коброй прошипела блондинистая корреспондентка в краткую минуту отключения эфира. — Тебе шеф русским языком приказал: только оптимизм! Плакаты! Транспаранты! Отдельно и крупным планом — творчество этих чертовых баб! У нас тема передачи: «И за решеткою тюрьмы творим возвышен-

ное мы», а ты, извращенец, принципиально высвечиваешь недостатки?! Очерняешь?

— Линда, ты меня достала конкретно, — холодно отреагировал на эту тираду оператор Гена и, вытащив из кармана пачку «Милд севен», принципиально и аристократически закурил под табличкой «Курить строго воспрещается». — Будешь вопить, уйду в ночные вести на коммерческий канал ТВ-0, там платят больше и не надо всякое тюремное фуфло снимать!

— Ладно, всё, заткнись, вон тюремное начальство идет! — Линда изобразила на лице дежурную филантропическую улыбку, а Гена поудобней пристроил на плече камеру. От суммы да тюрьмы народная мудрость никогда и никому не велела зарекаться, посему и изображали сейчас несчастные корреспонденты провинциального малобюджетного телеканала полную законопослушность и глубокое уважение по отношению к надвигавшемуся на них атомоходу женского рода.

— Ну че, — неожиданно тонким сопрано прогудела женщина-атомоход. — Интервью у наших просветленных будете брать?

— У кого?! — невнятно поперхнулся «Милд севен» Гена.

И тут же получил острым локотком телеведущей в бок: не задавай идиотских вопросов!..

— Так мы, собс-с-с-с-ственно... — Улыбка Линды по отношению к женщине-атомоходу заискрилась обаянием, как уют при коротком замыкании. — Мы ведь за этим и пришли.

— Ну че... — Видимо, тезаурус тюремной дамы не отличался особым разнообразием. — Идите за мной. Тока это, в коридорах и камерах съемка запрещена! Потому как... это... режимный объект.

— Шаг влево, шаг вправо — приравнивается к побегу... — совсем уж неслышно подиссидентствовал оператор Гена. Его, как представителя мужской, а значит, элитарной, части человечества, при одной мысли о том, что он будет запечатлевать на ценную видеопленку каких-то непотребных

баб, да к тому же мотающих срок преступниц, просто коробило. А также плющило и колбасило. Но он, как всякий истинный мастер своего дела, умел наступать на горло собственной песне. Тем более что телекомпания, хоть и бюджетная, хоть и нищая, а денежки ему за работу заплатит. А денежки — они всегда денежки.

— Пришли. — Атомная баба распахнула мощной дланью затейливо обитую рейкой дверь.

«И прекрасная Отикубо, едва наступил час рассвета, раздвинула фусума, омочив горючими слезами рукав своего скромного хитоэ, ибо ее возлюбленный был вынужден покинуть ложе Третьей Ночи, дабы приступить к своим обязанностям тюнагона Восточных покоев...»

Представители телекомпании слегка затравленно оглянулись. Им показалось, что они попали то ли в клуб поклонников японского искусства, то ли на лекцию об основах ароматерапии. И, что самое странное, кажется, они в своих предположениях не ошиблись.

К бабище в погонах, сопровождавшей прессу, с улыбкой и поклоном подошла-подплыла женщина с подведенными сурьмой узкими глазами и набеленным лицом. Именно она читала вслух о страданиях несчастной Отикубо, когда появились гости. Линда окинула оценивающим взглядом наряд странной дамы: по цвету и фактуре ткани — явная тюремная роба, а по фасону — натуральное японское кимоно.

— Добро пожаловать в наш Приют Обретения Гармонии! — еще раз кланяясь, сказала дама.

Начальница сочла необходимым внести некоторые пояснения для прессы:

— Это и есть ихняя, то есть наша, община. Вот, снимайте. Старшая вам все доложит, интервью возьмете, поделки поглядите... У вас на все про все сорок минут. А я пойду — у меня еще дела на вверенном объекте.

Корреспонденты вышли из ступора и профессионально заглядывались по сторонам в поисках лучшего ракурса для съемки... И ведь было им на что посмотреть!

На окнах, которые с внешней стороны, разумеется, были забраны решеткой с частым переплетом, висели длинные

циновки явно ручной работы. На одной из циновок (судя по комментариям той же набеленной дамы) искусно была выписана Фудзияма в кольце кучерявых облаков, на другой — ветка цветущей сакуры, а третья изображала членов императорской семьи во время церемонии ханами. Пол был застелен татами, на нем в элегантно беспорядке лежали подушки-дзабутон, предназначенные для сидения. Но из нескольких женщин, находившихся в комнате, никто не сидел: они все, как по команде, встали с изящным синхронным поклоном, едва вошли посетители. Окончательно добило женское самолюбие Линды наличие двух шелковых ширм с вышитыми на них драконами, танцующими в персиковом саду. Линда всю свою сознательную жизнь мечтала иметь эксклюзивную ширму с приколотыми к ее углам круглыми сяопинскими веерами! И никогда никакой зарплаты не хватало! А тут, у этих арестанток — нате, пожалуйста...

— Добрый день, — суховато поздоровалась она. — Мы из местной телекомпании, по поручению мэрии. Прослышав о вашем образцовом... образе жизни, присланы сделать репортаж. Кто из вас, простите, старшая?

— Недостойнейшая, если когда и была старшей среди этих женщин, мудростью своею подобных Сэй-Сёнагон, то только в силу своих преклонных лет. — К корреспондентам величавой поступью, как-то не вязавшейся с уничижительными оборотами речи, подошла женщина, которую сразу хотелось назвать дамой. Действительно, выглядела она очень пожилой, но благородный цвет лица и почти царственная осанка делали определение ее возраста весьма затруднительным. Уж на что у Линды глаз был наметанный, а и она оказалась в тупике.

— Для начала, пожалуйста, представьтесь, — давая знак Геночке включать аппаратуру, сказала Линда.

— Находясь в этой комнате Просветления и Обретения Гармонии, мы, словно грязную обувь, оставляем за порогом свои мирские имена, — под одобрительный шепоток остальных «просветленных» с легким поклоном ответствовала пожилая дама. — И здесь вы можете называть меня госпожа Мумё — «Безымянная флейта».

При этом глаза женщины на миг вспыхнули яркой зеленью, но тут же взгляд ее угас, стал обычным: предупредительно-равнодушным.

— Как красиво! — восхитилась вслух Линда, а про себя подумала: «Небось сидишь ты тут по статье за вооруженный разбой и зовут тебя как-нибудь типа Сонька Костяная Ручка! Это только на вид вы тут все — божьи одуванчики...»

— Я возьму на себя смелость представить остальных, — сказала госпожа Мумё и стала указывать рукой на каждую из женщин: госпожа Ина-каэдзи («Не изменю!»), госпожа Фусими («Потупленный взор»), Тамахоси («Жемчужная звезда»), Асунаро («Кипарис»), Кагами («Зеркало») и, наконец, госпожа Ама-но кавара («Небесная река»).

Все представленные женщины почтительно кланялись. Геночка только успевал водить камерой, запечатлевая на пленке благообразные, лишенные возраста лица, накрашенные, как у гейш, которых он видел только на картинках. А Линда вдруг придушенно взвизгнула: из широкого рукава кимоно госпожи Мумё деловито выбралась крупная темно-серая крыса и, удобно устроившись на запястье этой странной женщины, принялась умываться.

— Не пугайтесь! — успокоила Мумё Линду. — Эта госпожа крыса — наш, как бы выразиться посовременнее, талисман. Крыса — символ жизненной энергии, а также достатка и благополучия. Она первой из всех зверей ухитрилась получить благословение Будды...

Геночка снял и усатый талисман. Крупным планом.

— Скажите, — Линда всерьез принялась за интервью, — а откуда у вас всех такой пристальный интерес к японской культуре...

— ...а также искусству, литературе и философии? — подхватила величавая старуха Мумё. — Видите ли, это помогает нам не только ощутить себя полноценными людьми, хотя и отделенными от всего общества тюремной стеной, но и совершенствовать свой дух, разум, дабы не озлобиться и не отчаяться. Мировоззрение Страны цветущей сакуры для этого подходит идеально. Мы стремимся к достижению

внутренней гармонии и постижению внешней мимолетной красоты... Знаете ли вы, что такое дзуйхицу?..

— Да, да... Ген, ты снимай давай, не особо отвлекайся. Скажите, мм, госпожа Мумё, а вся эта обстановка приобретена для вас... руководством специально?

— Нет, что вы! Все, что вы видите, — Мумё изящно обвела рукой комнату, — сделано нами, недостойными...

— Вот как! (Гена, возьми крупным планом вышивку на ширме...) Но где же вы взяли материалы для поделок, литературу...

— Все это мы получили благодаря нашим покровителям, или, как теперь говорят, спонсорам, да продлят бодхисатвы их дни!

— Нами Амиду Буцу! — прошелестело на устах остальных японизированных зэков женского пола.

«Ну, конечно, спонсоры! Как же иначе! Почему-то самые платежеспособные мужики достаются самым отстойным бабам!» — мысленно съязвила незамужняя Линда, чей основной «спонсор» никуда не годился ни в материальном, ни в интимном плане. Просто был непосредственным начальником. И отдаваться ему приходилось практически на благотворительной основе. Как говорится, лучше уж раз отдаться, чем долго и нудно объяснять, почему тебе этого не хочется (и потом получить выговор за нарушение трудовой дисциплины)... А все вышеизложенное, как известно, вовсе не способствует достижению полноценного оргазма.

— А кто является вашим спонсором? — коварно решила поинтересоваться Линда, отвлекшись наконец от собственных размышлений и держа микрофон как грозящую взрывом гранату.

— Наша маленькая община находится под патронажем японского благотворительного центра, возглавляемого почтенным Акутагавой Степановичем Якудзой, японцем русского происхождения, в прошлом политэмигрантом, а теперь — человеком высокого милосердия, — сказала Мумё, одновременно демонстрируя веера с ручной росписью тушью по слоновой кости. — Благодаря финансовой поддержке его центра мы получаем все необходимое для

нашего духовного совершенствования, знакомства с традициями Японии и ее искусствами. Прошу вас еще взглянуть на плоды труда наших недостойных рук!

Эти слова словно послужили сигналом для остальных женщин. Они сдвинули ширмы и подвели корреспондентов к невысоким столикам, на которых были разложены экспонаты, сделавшие бы честь любой выставке. Даже циничный кокаинист Гена восхищенно бормотнул: «Эксклюзив!»

— Вот нэцке. — Мумё взяла двумя пальцами искусно вырезанную фигурку сидящей на мешке с зерном крысы. Настоящая крыса при этом перебралась на плечо женщины и неодобрительно посматривала на корреспондентов. — В магазинах вы таких не увидите. Там продают жалкие подделки из гипса. А наша сестра, госпожа Тамахоси, вырезает нэцке согласно строгим канонам японского мастерства и из настоящих дерева и кости!

Госпожа Тамахоси поклонилась и достала из рукава своего кимоно небольшой нож странной полукруглой формы. Он даже на вид был смертоубийственно острым.

«Как же так?! — вихрем пронеслось в мозгу Линды. — Заключение не полагается холодное оружие! Она же таким ножом всю охрану перережет!..»

Как оказалось впоследствии, Линда была недалеко от истины.

Но пока госпожа Тамахоси лишь мгновенно и искусно обточила страшным ножом небольшой кусочек дерева и протянула Линде свежевыточенную фигурку той же крысы.

— Вам на память, — улыбнулась специалистка по нэцке. — Крыса приносит благополучие в дом.

Линда приняла дар, повертела его перед камерой, театрально повосхищалась и, вспомнив, что у них лимит времени, попросила заснять и другие «поделки». Здесь были расшитые дивными узорами пояса-оби и ритуальное фурсики с тысячекрылым журавлем, воспетое еще великим Кавабата, столики для чайной церемонии, маленькие поделки из белой глины, которые дарят детям на праздник Мальвы, искусно устроенный миниатюрный сад камней, где, как и

полагалось, последнего камня не было видно, веера, театральные маски и акварели, где среди пейзажей, подписанных черными размашистыми иероглифами, неизменно встречалась крыса... А одна из женщин, упражнявшаяся в мастерстве японского стихосложения, смущаясь, прочла танку из созданного ею цикла «Стихи эры Годзиллы»:

Цвет сливы обрывает горный ветер,
Бушующий поток уносит лодку...
Но не страшны свирепые драконы
Тем, кто лелеет светлую надежду
И верит в силу бога Хепшиэнда...

Другая же дама, торопливо перелистав пухлый с золотым обрезом томик со стихами классических поэтов Японии, встала в декламационную позу возле ширмы с драконом и, изящно отведя руку с книгой, нараспев прочитала:

Дремал сиреневый дракон
Под флейту тростниковой чащи.
В глаза распахнутых окон
Заглядывало солнце чаще.
Играл неведомый ансамбль
Среди серебряного флёра.
И целый мир, и спящий сам
Казались вычурней фарфора.
Царил простой союз у них,
Все было белой нитью шито...
И на какой-то краткий миг
В иное раздвигалась ширма...

Даме поаплодировали. Она смутилась и спряталась за ширму.

— Вот такой удивительный мир существует здесь, в местах лишения свободы, где, казалось бы, нет возможности говорить о прекрасном и возвышенном! Но нет предела совершенству человеческой души, — бойко затараторила Линда, когда Гена взял ее кукольное личико крупным планом на финал. — Лишенные внешней свободы, эти женщины обрели свободу внутреннюю и вместе с нею — способность не только понимать, но и творить прекрасное! Нам

остается только поблагодарить их за это и восхититься их талантом! Для вас передачу вели Линда Загоруйко и Геннадий Слизняков, телекомпания «ЭКС-Губерния».

Надзирательша-атомоход проводила корреспондентов до тяжелых цельнометаллических дверей, ведущих из темного узилища в царство свободы, и торопливо распрощалась.

— Товарищ начконвоя, прием, прием. Как, репортеры ушли? — раздался хриплый голос из портативной рации, торчавшей в кармане надзирательши.

— Так точно, товарищ начальник охраны, — рыкнула в рацию атомоходоподобная дама.

— Зайдите ко мне.

— Есть.

...Кабинет начальника охраны полковника Дрона Петровича Кирпичного отличался каким-то особым, возведенным в абсолютную степень, аскетизмом. Унылые серые стены, зарешеченные окна-бойницы без малейшего намека на шторы. Допотопный канцелярский стол, крытый вытершимся сукном, стальной неулыбчивый сейф, пара колченогих стульев и фикус, принимающий мученическую кончину в ржавой кадке, — вот и весь интерьер, окружавший главного человека женской колонии строгого режима. Единственной сентиментальной вольностью, которую начальник охраны позволил себе, был большой портрет товарища Дзержинского, вышитый крестиком по канве умелицами-заключенными.

Сам товарищ Кирпичный обликом и характером был во многом подобен своему кабинету. Во всяком случае, лицо его было столь же выразительно и эмоционально, сколь выразительна и эмоциональна может быть трансформаторная будка. В остальном полковник Кирпичный производил впечатление серьезного, многоопытного, крепкого мужчины, генетически лишенного навыка завязывать галстук и всем напиткам мира предпочитающего водку. В основном именно такой тип мужчин слушает слезливые шансоны типа «Давно ли я откинулся из зоны» и чрезвычайно импонирует женщинам, волею судьбы расставшимся с воздухом свободы сроком на десять—пятнадцать лет. Возможно, поэ-

тому полковнику удавалось удержаться на своем посту пятнадцать с лишком лет, несмотря на все перипетии и хаос, которые царили в стране.

Когда начконвоя Ксения Погребец вплыла в кабинет полковника, тот задумчиво листал старые подшивки самиздатовской колонистской газеты «За свободу».

— Присаживайтесь, — кивнул он женщине-атомоходу. Та недоверчиво поглядела на хлипкие стулья и предпочла стоять.

— Я вот по какому вопросу хотел поговорить с вами, Ксения Васильевна... — Полковник отложил пожелтевшие ломкие газеты и старательно вдохнул, дабы начконвоя не учуяла своим нюхом третьедневошного перегара. — Каков моральный дух в этом самом коллективе любителейниц Японии? Они ничего лишнего прессе не брякнули?

— Я проглядела видеозапись, прежде чем репортеров выпустить. Все вроде нормально. Девки наши выступили на уровне. Поделки показывали. Стихи читали.

— На жизнь не жаловались? Порядки не ругали?

Погребец пожала мощными плечами, отдаленно напомиравшими пожарную помпу.

— Нет, товарищ полковник. А что?

— Подозрительно это, — полковник подпер кулаком подбородок и мрачно поглядел на фикус, — когда наш человек порядков не ругает и на власть не жалуется. Это сигнал.

— Какой сигнал?!

— Тревожный. Честно вам скажу, вся эта затея с японскими спонсорами мне с самого начала не нравилась. А теперь, когда про это дело еще и пресса унюхала, совсем не нравится.

— Ничего не поделаешь, — опять пожала плечами начконвоя. — Свобода слова...

Представители этой самой свободы слова, то есть Линда с Геной, оказавшись вне стен колонии, часа полтора топали по пустынной проселочной дороге до местной автостанции, периодически проклиная свою незавидную корреспондентскую долю и призывая всевозможные несчастья на гениталии их непосредственного начальника, который сей-

час, конечно, греет зад в своем кабинете с евроризайном, пока они тут загибаются от холода, дожидаясь рейсового автобуса. Когда рейсовый пазик, чахоточно дрожа, наконец подошел, корреспонденты воспрянули духом и бойко втиснулись в автобус промеж сумрачных поселянок, нагруженных мешками с капустой и садками с галдящими гусями. Так они добрались до города и в на редкость полном согласии решили сначала выпить по коктейлю в ближайшем баре, чтобы снять стресс, успокоить нервы (как известно, нервы у творческих натур — материал весьма непрочный)...

— На студию попасть всегда успеем, — сказал Гена. — На хрена им там сейчас этот материал? Пойдет в завтрашнем новостном блоке.

Линда согласилась. Только сейчас она почувствовала, как пересохла ее нежная гортань от спертого тюремного воздуха, к которому неуловимо примешивался аромат то ли сакуры, то ли персика. И к тому же осенний промозглый ветер, срывающий с деревьев последнюю листву, заморозил subtilно одетую корреспонденточку аж до бантиков на тонких кружевных трусиках.

Ближайшим «баром» была студенческая забегаловка, официально именовавшаяся «Встреча», а в народе известная под названием «Трахнули по-быстрому». Но коктейли там подавали хорошие, почти правильные.

— И ты считаешь, что они, ну, эти зэчки, действительно обрели как бы... гармонию духа? — спросил Гена свою коллегу, осушив хайболл с «Кровавой Мэри».

— Хрень собачья! — авторитетно ответствовала Линда. — Я этой старой козе, самой главной, в глаза-то глянула. И знаешь, у меня такое ощущение было, будто она натуральная ведьма и жуткая сволочь, которой одно удовольствие притворяться этакой правильной, чистенькой, умненькой и благородной. Мне кажется, что все эти просветленные бабы мотают срок или за убийство или за что-нибудь похлеще. — Линда нервно глотнула поддельного айриш-крема и слегка поморщилась: изжога ей теперь гарантирована. Ладно, может, шеф вечером шампанским угостит. В постели. Сукин кот.

— Что же может быть хлеще убийства? — усмехнулся Гена, возвращая Линду к разговору.

— Не знаю... А, ладно, пошли они к черту! Мы свое дело сделали. Если еще о каждой бабе, про которую я лепила репортаж, думать, моих мозгов не хватит.

— Это точно, — подколот Гена. — Зачем такой красивой да еще и мозги. Зато с ногами у тебя полный порядок. И с тем местом, откуда они растут.

— Паскудный козел, — без обиды в голосе сказала Линда. — Все вы, мужики, в одном месте клонированные. И все сволочи.

— А то, — усмехнулся Гена. — Ладно, завязывай пить. Поехали на студию, а то главный закатит истерику из-за того, что у нас простой.

И они вышли из бара, причем Линда, расплачиваясь, решительно оставила рядом с пустым бокалом подаренную ей фигурку крысы. Чем впоследствии и спасла свою молодую жизнь.

...А набеленные и насурьмленные по японским правилам женщины после ухода корреспондентов аккуратно прибрали комнату, умылись, сняли кимоно, оказавшись в арестантских робах с нашитыми номерами, и разошлись по камерам. Но прежде чем разойтись, они обменялись одним им понятными знаками, поклонились той, что называла себя Мумё, и сказали:

— Крысу не удержат в садке.

— Ее дороги известны только ей, — ответила Мумё и, усмехаясь, добавила: — Включите завтра телевизор, сестры. Посмотрим, как мы выглядим в эфире.

* * *

Став ведьмой, она позволила себе не следить за собой.

Д. Андайк

— ...В эфире ваше любимое «Еж-радио», если вам не спится и вы настроились на волну 0,13 и 13 WM. С вами я, Вика Белинская, ведущая этого часа, и мы с моим постоян-

ным демоном-джеем обещаем вам много хорошей музыки, немного рекламы и обязательный блок наших новостей. Доброй полуночи всем полуночникам! Оставайтесь с нами, даже если вы летите на шабаш! И кстати, пусть сейчас прозвучит песня для тех, кто летит на шабаш.

Снова светит полная луна,
Снова вы находитесь в полете.
И покуда дрыхнет вся страна,
Ведьмы, вы ничуть не устаете.
Не страшны туманы и дожди,
И метеоритные потоки,
Тем, кто помнит все свои пути
На далекий незабвенный Бро-о-окен...

Покуда в эфире шла песня, я налила себе кофейку и выслушала новый анекдот от дем-джея, чтобы обрести бодрость, необходимую для работы за пультом. Это только в песне поется, что ведьмы ничуть не устают. Я устаю. Хотя я настоящая ведьма.

Когда я говорю об этом, следующей моей фразой обычно бывает: «Так уж получилось». И действительно, так уж получилось, что я родилась ведьмой и вела скромную, небогатую событиями жизнь, соответствующую своему статус-кво, покуда не попала во всякие приключения. И не встретила своего будущего (а теперь настоящего) мужа.

Мой благоверный, с коим я целуюсь, ругаюсь и опять целуюсь вот уже на протяжении пяти с лишним лет супружеской жизни, — Авдей Белинский, писатель, прочно окопавшийся в лагере сторонников нетривиальной фэнтези. Ну, если вы читали его романы, значит, понимаете, о чем речь. А если не читали — зайдите в любой книжный магазин... Нет, правда, зайдите. Полки с его книгами тянутся где-то примерно метра на три. По моему мнению, это свидетельствует о его гениальной плодовитости (также о его гениальной плодовитости свидетельствуют наши дети, но о них позже).

То, что я, супруга писателя, — ведьма, смущало самого писателя только до свадьбы. Мы даже чуть было не расстались на почве конфликта по поводу моих паранормальных способностей. Но, как говорится, *omnia vincit amor*, то есть

любовь все побеждает. В данном случае любовь тоже победила, и Авдей сделал мне предложение... Ну, наверное, то, что он сделал, *можно считать предложением* руки, сердца и прочих существенно важных органов...

После свадьбы Авдей стал находить в моей ведьмовской природе даже нечто пикантное (хотя на самом деле, по-моему, сработало обычное мужское тщеславие: как же, у всех жены — просто жены, а у меня еще и ведьма!).

Впрочем, в быту я постаралась свести применение своих магических способностей к минимуму, тем более когда родились Марья и Дарья, наши близнецы-первенцы. Девчонки они замечательные и, благодарение небесам, кажется, наследственностью пошли не в маму-ведьму, а в папу-писателя. Авдей, кстати, очень мечтал о сыне, но, когда родились девочки, стал трястись над ними, как над уникальной коллекцией бриллиантов. Правда, поначалу муж настаивал, чтобы имена у девчонок были какие-нибудь оригинальные, например Аделаида и Евфросиния, но я проявила твердость и настояла на своем. Имя — штука серьезная. Оно может потребовать от тебя поступков, плавно переходящих в подвиги. Поэтому пусть мои дочки носят простые имена...

До рождения девочек я работала в специальной полуночной библиотеке, открывавшей свои тайные двери для магической и оккультной публики: оборотней, колдунов, вампиров, привидений... Когда появились дети, работу я оставила, три с половиной года занимаясь стиркой пленок, приготовлением молочных смесей, переживаниями по поводу режущихся молочных зубов, ветрянки, краснухи и дисбактериоза... В одном девчонки здорово облегчали мне задачу: если они болели, то вместе. Вместе же и выздоравливали.

Разумеется, муж во всем мне помогал (во всяком случае, я не развеивала его уверенности в этом). В основном же я предпочитала управляться сама, если не считать периодических набегов к нам в Москву моей мамы, Татьяны Алексеевны Либенкнехт. Мама, дослужившись до полковника налоговой полиции, вышла в отставку и при попуститель-

стве своего мужа, Калистрата Иосифовича Бальзамова, мага на службе у закона и когда-то моего наставника, погрузилась в изучение оккультно-этнографических традиций разных народов. Сейчас, в частности, она серьезно занималась вопросами мистических традиций средневековой Японии и изредка присылала открытки с видами Токио, старых провинций Киото и Хоккайдо.

Когда Марья и Дарья вошли в возраст, именуемый детсадовским, то есть научились без слез есть манную кашу, надевать колготки *не-задом-наперед* и путем эксперимента выяснили, что Дед Мороз — это переодетый папа, я заявила мужу, что более сидеть дома не намерена, а посему буду искать себе подходящую работу. А девчонки — ничего, в детском саду не пропадут. Они смогут за себя постоять. Вон, третьего дня они, хором исполняя песню группы «Любэ», загнали на дерево соседского бультерьера по кличке Сволота Залетная, чем заслужили от хозяев собаки репутацию настоящих бандиток.

Поэтому Авдей не особенно возражал, когда я определила девчонок в детсад неподалеку от дома. Он только просил, чтобы я подыскала себе какую-нибудь спокойную работу, не отнимающую много времени. В библиотеку мне возвращаться не хотелось — слишком много с «аптекой для души» связано грустных воспоминаний. К тому же столичные коллеги по сему ремеслу вызывали у меня чувство какой-то провинциальной неполноценности. В моем родном городе, где я жила до замужества, библиотека функционировала по старинке: регистрировала читателей при помощи авторучек и бумажных формуляров, газеты в папки подшивались обычным шнурком от ботинок и все книги не снабжались магнитными индикаторами, предотвращающими их незаконный вынос... А московские читальни с их ноу-хау, сетевыми ресурсами и переименованием читателей в пользователей, а книг — в «документированную дискретную информацию» наводили на меня тихую тоску. Видимо, я все-таки консервативна. В некоторых вопросах. И поэтому радуюсь тому, что в той моей библиотеке на Тихой улице вместо меня ночным библиотекарем теперь работает

Букс. Забавный выходец из макулатурной кучи в последнее время превратился в настоящего джентльмена, стал носить строгие форменные костюмы из оберточной бумаги и прекрасно справлялся со своими обязанностями. Кроме того, он должен был вот-вот жениться, подросла его невеста. На свадьбу обещал пригласить...

Словом, идею библиотеки я отбросила. И тут мне повезло. Группа молодых инициативных московских привидений решила создать радиостанцию для нелюдей (и не совсем людей), вещающую, естественно, по ночам и на волне, которую могут уловить только те, кто не чужд магии. Привидениям требовались на работу коммуникабельные, остроумные и в полном смысле слова *живые* ведущие, не боящиеся прямого эфира. И я предложила свои услуги...

Вы спросите, почему я, истинная ведьма, когда-то прошедшая Обряд Тринадцати, дающий просто неограниченную магическую Силу, я, женщина, одним мановением руки способная вызывать ураган (как минимум), панику на фондовой бирже, ввод войск НАТО в Саудовскую Аравию и падение курса доллара вместе с импичментом президента США (как максимум), предпочла жить и работать как обычный нормальный человек? Зачем же, справедливо спросите вы меня, ты обретала Силу и всякие там Тайные Знания?..

А вот захотелось мне так! Вообще, господа, пора покончить со стереотипами, рисующими ведьму как вздорную, вульгарно покрашенную и лишенную всякой морали бабу, озабоченную лишь варкой приворотных зелий и сведением с ума и без того недалеких мужчин, бормочущую заклинания и наводящую порчу на кого ни попадя. Забудьте! Современная ведьма, равно как и многие другие представители магического большинства, не должна быть чужда актуальным веяниям дня. Вот. А если кто-то хочет поговорить со мной на эту тему, пусть не переступает рамок корректности. Иначе остаток дней своих ему придется провести в каком-нибудь зооэкзотариуме в качестве оригинального и редкого экспоната...

Дем-джей поднял вверх указательный палец с длинным

загнутым когтем, что означало: не расслабляйся, детка, заставка проходит, сейчас ты будешь в эфире. А что, я готова! Три, два, один...

— Итак, с вами снова «Еж-радио» и я, Вика Белинская, знакомлю вас с новостями ближайшего часа.

...Новости у нас всегда проходят под фонограмму «Ночи на Лысой горе» Мусоргского в современной обработке нашего фантома-программиста Бори Гатоса. Очень эффектно получается. Я слежу за бегущей строкой и выдаю плавным речитативом:

— Спонсор выпуска новостей — страховое агентство «Тихая нежить». Все виды социальных гарантий для нелюдей постпенсионного возраста. Квалифицированные специалисты защитят ваш интерес в делах любой сложности. Помните: вам не дадут о себе забыть! А теперь — собственно новости. Из официальной хроники. Прошедшее полнолуние ознаменовалось рядом международных слетов под общим лозунгом «Ведьмы за сохранение биосферы Земли». Ряд письменных и устных соглашений продемонстрировал неуклонный рост экологической сознательности представительниц разных стран и сообществ. В частности, практикующие вудуистки южноафриканского племени зананусси подписали мораторий на использование крокодильих слез и гениталий гепарда в своих ритуалах... Мораторий принят сроком на пять лет, за это время поголовье исчезающих животных должно возрасти. Или хотя бы научиться бегать быстрее, чем вудуистки, чтобы спасти свои... репродуктивные органы.

Дем-джей быстренько прокручивает магнитофонную запись хохота целого зала в эфир, чтобы аудитория по достоинству оценила вышеприведенное сообщение. А я продолжаю вещать, только теперь «Ночь на Лысой горе» сменилась сентиментальной «Муркой»:

— Криминальная хроника. Очередные разборки между солнцевской группировкой вампиров и молодчиками из национал-шовинистской партии «Оборотни России» привели к кровопролитию, жертвами которого стали несколько десятков лабораторных крыс, подготовленных к отправ-

ке в одну из московских косметологических лабораторий. «Оборотни России» известны как скандальная неформальная организация, пропагандирующая чистоту крови и вида и постоянно упрекающая вампиров в их неразборчивости и отсутствии патриотизма. Глава солнцевских вампиров выступил с ответным заявлением и пообещал подать в суд, мотивируя это тем, что партия «Оборотни России» не является зарегистрированным политическим органом, а только (цитирую) «бандой волосатых хулиганов».

— Ну что, послушаете песенку в темку? — опять вклинивается дем-джей.

Такая уж у нас с ним особенность подачи информации — порционно и с песнями. Чтобы интересней слушалось (имеются в виду те, кто, оккультизировавшись, не утратили и простых человеческих способностей и эмоций)... Как там в песне-то поется?..

Я с девчонкой своей не целовался ни разу,
Я еще не купил себе автомобиль.
Но однажды меня укусил красноглазый,
Удивительно странный и злой нетопырь!

И мое сердце остановилось!
Мое сердце замерло!
Ох, мое сердце остановилось!
Да, мое сердце замерло!

У меня теперь странное что-то со зреньем,
Что-то с гемоглобином и челкой на лбу...
В зеркалах больше нет моего отраженья,
И весь день я теперь отдыхаю в гробу!
Ведь мое сердце остановилось...

И далее в том же духе. Бодренькая песенка, рекламирующая здоровый вампирский образ жизни. Ладно. Следующим я поставлю свой любимый сингл известного вудуиста Урии Бурчука «Что такое шабаш — это просто». А пока — продолжим новости:

— «Студия Ирреал-рекордз» приступила к записи оккультной версии мюзикла «Нотр-Дам де Пари», созданной при информационной поддержке французских специалистов-историографов, лично присутствовавших при всех со-

бытиях, изложенных в гениальном произведении Виктора Гюго. Абсолютно новое видение всем известной трагедии человеческой любви скоро появится на лицензионных видеокассетах. Остерегайтесь подделок!

— Даншак малёр шерше ля фам! — очень вольно произнес дем-джей известную поговорку о том, что во всех несчастях следует искать женщину. А я не стала пояснять, что под «французскими специалистами-историографами» вообще-то подразумеваются те самые каменные мордастые химеры, украшавшие собой башни собора Парижской Богоматери.

— И последняя новость этого часа. О необходимости ввода лицензирования отдельных видов порчи и сглаза говорилось на недавней встрече руководства нашего города и представителей формальной магии. В связи с этим, уважаемые радиослушатели, наша станция пока приостанавливает прием рекламных наведений, то есть, простите, заявлений о наведении порчи. Подобные заявления в дальнейшем будут приниматься только при наличии лицензии и сертификата государственного образца. С новостями для вас — «Еж-радио» и Вика Белинская.

— Оставайтесь с нами! Не отключайте свои приемники! — разоряется дем-джей. — Через две с половиной минуты играйте с нами в интеллектуальное радиоказино «Кого? Когда? Чем?» в прямом эфире. Телефон для ответов (095) XXX-XX-XX. Готовьтесь к игре, а пока — песня!

Что такое шабаш — это просто
Время проживания без мужа,
Это просто время бегать босиком по лужам (2 раза),
И быть другого возраста и роста (громко)!
Шабаш, в небе мчит помело!
Ведьмы, как же нам повезло!
Сколько б не давил нас прогресс,
Ведьма будет и есть!
Пусть играет ночь на трубе,
Шабаш, кто поверит тебе?
Но, покуда ведьма жива,—
Ведьма вечно права!

Вести в прямом эфире вместе с демоном интеллектуальное радиоказино — наше изобретение. Пользующееся, кстати, не меньшей популярностью, чем известная российская игра с приблизительно таким же названием.

— Итак! — ревет дем-джей под вступительные аккорды «Призрака в Опере». — В эфир-ре интеллектуальное р-радиоказино «Кого? Когда? Чем?». Звоните нам, дар-рагие знатоки, и не забывайте, что главный приз победителю-знатоку — Хр-р-рустальный Дятел!

— Господа, внимание, первый вопрос. — В моем голосе теперь звучат строгость и официальность. — Его прислал к нам в редакцию домовый Перфилий Онуфрич Брысь. Стоимость вопроса десять тысяч рублей. Внимание, запись вопроса!

«Дорогие знатоки! — дребезжит с магнитофонной пленки голос домового. — Вот мой вопрос: остался малый ребяенок сиротинкою, попал к злым людям на воспитание и, кабы не помощь волшебная, в живых бы не остался... Как звать этого ребяенка?..»

— Есть первый звонок в студию! — ликует дем-джей и переводит телефон на трансляцию. — Кто отвечает?

— Отвечает литературовед Кисляйко из Перми, оборотень. Речь идет о Гарри Поттере.

Бум-с! — траурно звучит гонг.

— Ответ неверен! — холодно говорю я. — А теперь слушаем правильный ответ.

«Это героиня русской народной сказки Крошечка-Хаврошечка».

— Ну что ж, ну что ж, первая неудача знатоков. — Демон быстро отключает телефон. — Десять тысяч рублей уходят замечательному домовому гражданину Брысю! Но игра продолжается! Хрустальный Дятел ждет своего победителя!

— Внимание, вопрос! Стоимость вопроса тринадцать тысяч рублей пятьдесят три копейки. — Строгостью тона я стараюсь скрыть усталость. Всю ночь за пультом — мало не покажется. — Вопрос задает вампир Арчибальд Птрушкевич. Внимание!

«За этим человеком охотились все силы Тьмы, чтобы

уничтожить его. Но могущественная защита помогла ему победить врагов! Кто этот человек?»

— Есть звонок в студию! — Демон опять переводит телефон на трансляцию в эфир.

— Отвечает литературовед Кисляйко из Перми...

От этого голоса у меня уже скулы сводит, а демон корчится от беззвучного хохота.

— ...Речь идет о Гарри Поттере.

Бум-с!

— Ответ неверен! — Я сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не расхохотаться. — Правильный ответ: Конан, варвар из Киммерии!

— Я протестую! — пищит литературовед, но демон быстро вырубает телефон и кричит:

— Тринадцать тысяч рублей и пятьдесят три копейки уходят вампиру Арчибальду Птрушкевичу. И на этом мы завершаем сегодняшнюю работу интеллектуального радиоказино. Слушайте нас завтра, в это же время!!!

Вау! Я свое отработала! Теперь можно спокойно отсоединить от лацкана кардигана микрофон, помахать ручкой дем-джею и отправляться домой. Как-никак третий час ночи. Мое эфирное время вышло, сейчас заступает одна малосимпатичная вампиресса, Ларочка Папанина, с апломбом и непрошибаемой самоуверенностью вещающая о последних веяниях моды, начиная от дамского белья, косметики и контрацептивов и заканчивая новейшими данными в разработке бактериологического оружия. Эфирное время заросшей прыщами Ларочки-кровососки всегда начинается с одной и той же неотразимой фразы: «Я тут пришла к вам похвастаться...»

Я выбралась из студии в сопровождении очередного анекдота, который дем-джеей выдавал в эфир:

— «Сегодня я видел живого гоблина!» — «Где?!» — «В фотостудии». — «И чего это он там делает?» — «Работает...» — «Кем?!» — «Кем, кем, кем, кем... — Гоблином!»

И почему считается, что у демонов самое крутое чувство юмора?..

Наша студия располагалась в непритязательном с виду коммерческом ларьке, круглосуточно торгующем дешевым пивом, жвачкой и презервативами. Правда, покупателей не находилось. Оно и понятно: подойди обычный человек, хоть и в сильном подпитии, ночью к такой палатке и попроси бутылку «Старого тельника» на опохмелку, увидит он в окошечке вечную грязную картонку с корявой надписью «Ушла на базу», опечалится и удалится восвояси, негромко горланя песню про то, что он мог бы служить в разведке, а при случае и сниматься в кино...

Но дело не в этом. А в том, что нормальные люди палатку-студию (которая внутри, разумеется, была гораздо больше, чем снаружи) обходили стороной. И общественный транспорт здесь был так же редок, как бронтозавр. Одним словом, «здесь птицы не поют, деревья не растут, и только мы, плечом к плечу, торчим зачем-то тут».

Я достала из сумочки мобильник и принялась вызывать такси, опасаясь, однако, что, услышав адрес, они откажутся принимать заказ (не раз бывало такое дело). Но на этот раз повезло. И машина приехала на удивление быстро, подозрительно осветив фарами мою одинокую беззащитную фигуру на фоне пресловутой палатки. Я даже на расстоянии могла считывать мысли водителя, как с листа бумаги: вот, еще одна шлюха трехрублевая, огребла, видать, с кого-то дуриком бабки и как порядочная такси заказала... Грубиян и пошляк ты, дядя. Ничего ты не понимаешь ни в жизни, ни тем более в шлюхах. Так что вези меня, извозчик, по гулкой мостовой и не вздумай грубить. На врачей потом разоришься...

Остановившись у подъезда, я глянула на окна родной квартиры. На кухне горел свет. Значит, Авдей опять не спит. Ждет меня и заодно творит очередной шедевр, потому как днем ему творить особенно некогда: встречи с читателями, тренажерный зал, солярий, бассейн... Нет, вы не подумайте, я тоже себя не обижаю и по большим праздникам выбираюсь-таки в бассейн, солярий, салон красоты и ароматерапии... Мне надо постоянно быть в отличной форме, чтобы у супруга при одном только взгляде на меня в

груди загорался огонь желанья... Он же у меня творческая личность, певец мировой красоты, каковая пока для него сосредотачивается в моем привычном облике. А вокруг столько длинноногих юных искусительниц, так и норовящих приобщиться к тайнам творчества, а ежели повезет, то и в музы пробиться. Поэтому законная жена должна быть всегда великолепна и ни с кем не сравнима. Будучи ведьмой, это легко. Будучи просто женщиной... Надоедает. Ну да, маникюр, талассотерапия, массаж, солярий... А потом, накупавшись в бассейне, разукрасив ногти и надышавшись сандалом, я еще затариваюсь продуктами на всю семью в ближайших супермаркетах и забираю из детского садика дочерей. При этом тщательно уложенная прическа как-то сама собой растрепывается, обязательно ломается ноготь или два (а это, милые дамы, просто трагедия!), и в результате пред очами возлюбленного супруга я предстаю в не слишком-то обольстительном образе загнанной домохозяйки. Но я не жалуясь! Потому что иногда из детского сада детей забирает муж, а это уже почти подвиг. Должен же муж чувствовать, что подключен к воспитательному процессу!

А еще... Но это, возможно, только мои домыслы... Мне кажется, Авдей рад тому, что я не летаю на шабашах, не устраиваю магических трюков в квартире и обеспечиваю ему жизнь, спокойную и ровную, как гладь зеркала. Я не мешаю ему творить. А он не мешает мне любить его и купать девчонок на ночь... Полная демократия.

...Я тихонько пробралась на кухню и увидела, что в данный момент супруг подключен к компьютеру и вдохновенно лупит из огнемёта скалящихся с монитора монстров. Бой шел беззвучно — слава святой Вальпурге, муж отключил аудиосистему компьютера. Вовсе не для того, чтобы грохот и стрельба не мешали спокойно спать нашим девочкам. А наоборот, чтобы девочки, привлеченные стрельбой, не примчались на кухню с криком: «Пап, дай поиграться!..»

— Добрый вечер, милый... А я думала, ты пишешь очередной роман, — поцеловала я в макушку своего домашнего гения. Он дернулся, как нашкодивший школьник, и по-

краснел. Потом вспомнил, что он как-никак взрослый дядя и глава семейства и приглушенно рассмеялся:

— Ты всегда меня застаешь врасплох. Вот что значит: жена — ведьма.

— Нет, это значит, что муж страдает интерактивным инфантилизмом...

— Чего-о-о? — грозно спросил Авдей и, отключив игрушку, принялся меня целовать. — Я без жены страдаю, вот. Без этого...

— Тепла родственной души? Ну, родной, ну я же на работе! Сходил бы к любовнице, что ли...

— Фу, надоело. Если хочешь знать, я тоже сегодня очень продуктивно работал. Вчерне набросал две главы.

— И куда ты их «вчерне набросал», а?! Опять мне убираться?

— Нэ пэрэбивай джыгыта, жэнчина! Я даже подвиг совершил: девчонок наших из сада забрал.

— Вай, молодец, дарагой! В жизни всегда есть место подвигу...

— А завтра я буду ругаться с их воспитательницей.

— Серьезно?! Чем провинилась бедная женщина? Ее и так в жизни преследует злой рок в лице наших милых дочерей, тьфу, тьфу, не сглазить... Кстати, ты детей покормил?

— Да. Хотя они *сопротивлялись*.

— Йогурт?

— И рисовая каша. Та, что ты утром приготовила. Они сказали, что это обойный клей.

— Много они понимают. Можно подумать, мои дочери пробовали обойный клей! — с этими словами я достала из холодильника кастрюльку со злополучной недоеденной кашей. Попробовала. Гм-м.

— Я дал им чаю со сгущенкой и пончиками, — успокаивающе сказал Авдей, видя выражение моего лица в безуспешной попытке расклеить челюсти, намертво склеенные кашей. То ли рис такой некачественный, то ли кухарка из меня, как из утконоса фламинго. Стыдоба. За столько лет семейной жизни так и не научиться готовить... Нет, наколдовать-то я любые яства смогу за секунду. А вот заниматься

готовкой, как все нормальные женщины, у меня почему-то не получается. Проверенный факт.

— Ладно, — сказала я, вываливая кашу в мусорное ведро. — Один вопрос решен. А из-за чего ты с воспитательницей решил поругаться?

— Из-за ее эзотерической безграмотности, — спокойно пояснил муженек. — Ты что на ужин будешь? Пончиков не осталось...

Но мне уже было не до ужина. Какое отношение эзотерика может иметь к вполне скромному детсадику и его персоналу?

— Подробности, — кратко потребовала я, наливая себе стакан обезжиренного кефира (все-таки мамины лекции по диетологии не прошли даром).

Авдей выложил на кухонный стол тонюсенькую ярко раскрашенную книжку. «Крошечка-Хаврошечка. Русская народная сказка», — прочла я название и озадаченно воззрилась на супруга.

Ну и что?!

— А то, — грозным шепотом начал втолковывать Авдей, — что эта, с позволения сказать, воспитательница детям не просто сказки рассказывает, а излагает их эзотерический подтекст!

Я глянула на часы. Скоро утро... Самое время потрепать об эзотерике.

— И какой же эзотерический подтекст воспитательница нашла в «Крошечке-Хаврошечке»? — утомленно склонила я голову на плечо супругу. — И на фига детям этот самый подтекст?

— Оказывается, — вещал Авдей, — в этой сказке зашифрована система культов наших древних предков. Оказывается, корова — это тотемное животное, обладающее магической силой Матери-Земли! И для Крошечки-Хаврошечки она была не просто дойной скотинкой, а культовым животным, открывавшим ей Тайные Знания! Ты подумай, чему в детском саду детей учат!

— Ага, — рассеянно согласилась я. После прямого эфира не было сил возмущаться глупостями какой-то начитав-

шейся дешевой эзотерики тетки. — А ты как об этом узнал-то?

— Машка при воспитательнице спросила меня, может ли наша Фуфуня считаться тотемным животным. А Дашка ляпнула, что теперь мы должны приносить Фуфуне кровавые жертвы, чтобы сохранить кармическое равновесие в нашей квартире. Я чуть весь детсад не разнес. Не понимаю, куда другие родители смотрят...

Авдей еще немного повозмущался для порядка, а потом смолк, ласково дыша мне в ухо, точь-в-точь как Фуфуня.

Кстати, упомянутая Фуфуня — всего-навсего крошечная джунгарская хомячиха с печальными глазами и несуетливым характером. В основном она пребывает в трех состояниях: спит, ест или спасается бегством от чересчур любвеобильных Машки с Дашкой. Хм. Пожалуй, стоит на недельку-другую объявить Фуфуню тотемом, чтобы девчонки ее поменьше тискали.

— Ты уже спишь, Вика... — Муж подхватывает меня и уносит в спальню. Здорово. Не так часто он в последнее время меня носит на руках. Или я действительно сплю?

Хитрый Авдей. Уложит меня тут одну, а сам опять уползет на кухню — к компьютеру, монстров бить или писать очередной роман... Нет уж, сейчас и его уложу спать.

Можно же иногда поколдовать. На благо собственного мужа.

Главное, не забыть утром проснуться, чтобы отправить детей в сад. Сама отведу. Погляжу, что у них там за эзотерика...

* * *

— Надеюсь, вы не сомневаетесь в опытности нашего эксперта?

— Ну что вы! Я верю, что он опытен, и верю, что он ваш.

Г. К. Честертон

— Что у них там за эзотерика?! Они поглощают книжки, написанные безграмотными и лишенными благодати Просветления неучами и разглагольствуют о Тайном Знании с таким умным видом, словно и впрямь обрели его!

— Верно. Это подобно притче о глупом рыбаке, посчитавшем, что в его сети попали не водоросли и мусор, а замечательный тунец, — с задумчивой усмешкой произнесла немолодая женщина в арестантской робе. В ее пальцах, словно живая рыбка, посверкивал нож, сыпалось деревянное крошево, и через какое-то мгновение женщина поставила на пристроившийся у ее ног овальный столик маленькую резную фигурку. Нэцке. Остромордая крыса, грациозно изогнувшаяся над самурайским мечом. Помимо нее на столике уже стояли крысы с натянутыми луками, со щитами и копьями в узких лапках. Крошечные деревянные клыки хищно скалились, а глазки поблескивали, как у живых зверьков...

— Ты сделала настоящую крысиную армию, Тамахоси-сан, — сказала женщина, возмущавшаяся эзотерической невежественностью. Она тоже носила арестантскую робу с номером, но это вовсе не портило ни изящества ее фигуры, ни холодной красоты молодого лица. Если бы сейчас здесь оказались корреспонденты Линда и Гена, они бы узнали в этой тюремной красавице ту, которая скрывалась под труднопроизносимым именем Ама-но кавара — Небесная река...

— Ты слишком высокого мнения о моей недостойной работе, сестра. Госпожа часто, наоборот, упрекает меня за излишнее своеволие и вольную трактовку древних канонов... Может быть, и я подобна тем безумцам, которые взялись рассуждать о Небесном на основании неграмотных записок какого-нибудь нетрезвого выпускника института философии...

Тамахоси сдула невесомые пылинки с острия своего ножа и неуловимым движением спрятала его в брезентовый чехольчик, искусно вшитый в рукав.

— Будет ли сегодня медитация? — спросила она Небесную реку. — Я чувствую в себе истощение светлого начала.

— Госпожа не оставит нас без ежедневного внимания! — успокаивающе шепнула Ама-но кавара и аккуратно присела на краешек койки своей сокамерницы. — Наши сторожа ни в чем не препятствуют ей. Она обладает даром. Мне не впервой мотать срок, но такого фарта еще не было... Ой,

прошу извинения, что снова перешла на вульгарный язык. Я хотела сказать...

— Да врубились все конкретно, че ты хотела прокуковать, кукушка самурайская! Завесь шконку! — неожиданно подала голос третья женщина, доселе дремавшая на верхних нарах. Она высунула из-под серого байкового одеяла всклокоченную голову и сверху вниз насмешливо взирала на беседовавших. — Не запахло вам еще и в камере ботать по японской фене?

Обе женщины остро глянули на нее.

— Не забывайся, Ина-каэдзи, — ровным голосом, от которого у нормального человека поползли бы по спине мурашки, сказала резчица деревянных крыс. — Твое имя значит, что тебе чужда измена. Но если в своем сердце ты не прониклась учением Госпожи, берегись! Изменишь нашему пути — не увидишь свободы и Света!

— Ой, да не бери меня на понт, Тамарочка! — растягивая слова, всклокоченная женщина резво спустилась с лежака и встала, уперев руки в бока. — Я ж не твоя пятилетняя дочка, мне ты, как ей, глотку не перережешь... Сплю я чутко. И бью метко. Знаю я, какая ты праведница...

Тамахоси-Тамара резко побледнела, дернула головой, и в ее глазах загорелся нехороший огонь. Но, видимо, она уже научилась владеть своими эмоциями. Поэтому она ограничилась только ядовитым замечанием в сторону Ина-каэдзи:

— Что ж, Ириночка, спасибо, что напомнила мне про мои грехи. Тебе про твои напомнить? Это, кажется, ты была помощницей того парня, ну, который отлавливал всяких мелких бродяжек, особенно пацанов, и перед видеокамерой вытворял с ними такое, что даже ментов на экспертизе выташнивало? Это ты, добрая тетя, давала мальчику конфетку или дозу и вела его к маньяку?..

— Заткнись, сука! — зарычала Ириночка. Все ее веселое спокойствие как ветром сдуло. — Это брехня! Прокурор пургу мел! И потом... они все равно были беспризорниками! А ты... ты — убийца собственной дочери!

Женщин, некогда умиленно внимавших красоте классического японского романа-моногатари, теперь было не уз-

нать. В атмосфере камеры явно ощущалось наличие свободного электричества, грозящего взрывом убойной силы...

— Ты...

— Ты...

— Эй, эй, а ну хорош шуметь, девки! — злобно-испуганно заорала третья заключенная. Злобно потому, что в глубине души ненавидела их обеих — и старую стервозу Тамахоси-Тамару и стервозу помоложе — Ирину-сводницу. А испуг в крике Небесной реки звучал тоже не от простой женской нервозности: она вовсе не дура была, понимала, кем были ее товарки и что никакая японская полироль не могла отлакировать шершавые души убийц и рецидивисток. Хотя по сравнению с ними Небесная река, а по паспорту — Пустякова Римма Сергеевна, погорела на преступлении ничтожном: ввозе в Россию из Вьетнама трехсот граммов героина...

Тамахоси не вняла голосу разума и с явным наслаждением вцепилась в волосы Иринки-сводницы. Та приглушенно взвыла и двинула резчице по дереву пряменько в солнечное сплетение.

— Вертухаи набегут, дуры! — металась по камере Небесная река. — Всем абзац! Заметут параша чистить!

И тут в обитую железом дверь камеры бухнули. Возможно, что прикладом. Открылось крошечное зарешеченное окошечко:

— Эй, японки! Выходи на медитацию!

Этот окрик подействовал на драчуний волшебным образом. Они мгновенно отпрянули друг от друга, словно пятиклассницы, застигнутые за рассматриванием картинок в книге «Основы тантрического секса».

— Нами Амиду Буцу! Наконец-то! — облегченно выдохнула Небесная река. Надо сказать, что из всех увлеченных Страной Цветущей Сакуры дам она была, несмотря на презрительно-надменную гримасу, самой страстной сторонницей медитаций и поклонницей Учения. Учения, которое открывала им старуха Мумё. Мудрая, суровая, немногословно-аскетичная Мумё, о прошлом которой они — заключенные — ничегошеньки не знали. Какое преступление

совершила эта величаявая старуха, сколько лет ей приходится томиться в колонии и каким образом она, будучи в заключении, ухитрилась наладить связи с японскими спонсорами, — было загадкой для женщин, входивших в Приют Обретения Гармонии. Мумё во время медитаций часто вызывала бывших убийц, сутенерш и рецидивисток на такую откровенность, так мягко убеждала покаяться в былых грехах, что они потом с запоздалым изумлением спрашивали самих себя: с чего это им вдруг приспичило раскрыть душу женщине, о которой они знают только одно — в «миру», то есть на свободе, она носила имя Анастасия.

Под конвоем спешно приведшие себя в порядок Тамахо-си, Ина-каэдзи и Небесная река зашагали в комнату, которую недавно посещали корреспонденты телекомпании «ЭКС-Губерния». Комната Просветления и Обретения Гармонии была местом, в котором любительницы хайку и сакуры отдыхали от всевидящего глаза своих стражей: между охраной и щедрыми японскими спонсорами существовала негласная договоренность о том, что в этом месте для молитвы и постижения глубин собственного «я» заключенным не станут напоминать о том, что они лишены свободы. Поэтому конвоиры выполняли свои обязанности лишь номинально. Да и кому придет в голову опасаться чуть сбрендивших баб, каждый день в один и тот же час собиравшихся только для того, чтобы бубнить на непонятном языке какие-то то ли мантры, то ли заклинания, красить физиономии театральным гримом и вышивать райских птиц на веерах, которые потом пользовались бешеным спросом в магазинах для любителей экзотики... Веера эти, помимо всего прочего, тоже приносили администрации колонии немалый доход. Поэтому администрация относилась к «просветленным» терпимо, медитациям и прочим чудачествам не препятствовала, хотя отведенный пресловутый Приют все-таки был оснащен сигнализацией и видеокамерой слежения, о существовании которой, впрочем, все медитирующие прекрасно знали.

— Приветствую вас, сестры, — негромко, но звучно говорила Мумё каждой входящей женщине.